

Анна Ремез
ПРОГУЛКА
ПО ПРЯМОЙ

Анна Александровна Ремез

Прогулка по прямой

Серия «Последний звонок»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68714634
Прогулка по прямой. Шесть историй о любви: ГРИФ; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-85388-120-4*

Аннотация

Первая любовь – радость или тяжёлое испытание? За этим сильным чувством стоит столько переживаний и страхов... На что придётся пойти ради неё? А если будут против родители или засмеют друзья? А что, если мы больше не увидимся, кроме как этим летом на море? А вдруг это всё злая шутка одноклассников?..

Именно этим чувствам и посвящён сборник рассказов Анны Ремез. Шесть историй о любви. Первой, подростковой, очень непростой и очень разной.

Анна Ремез – прозаик, переводчик, финалист премий «КнигуРу», «Новая детская книга», премии имени Владислава Крапивина. Ольга Явич – художник книги, руководитель мастерской для детей «Злой волк».

Содержание

С новой строки	6
Маску долой	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

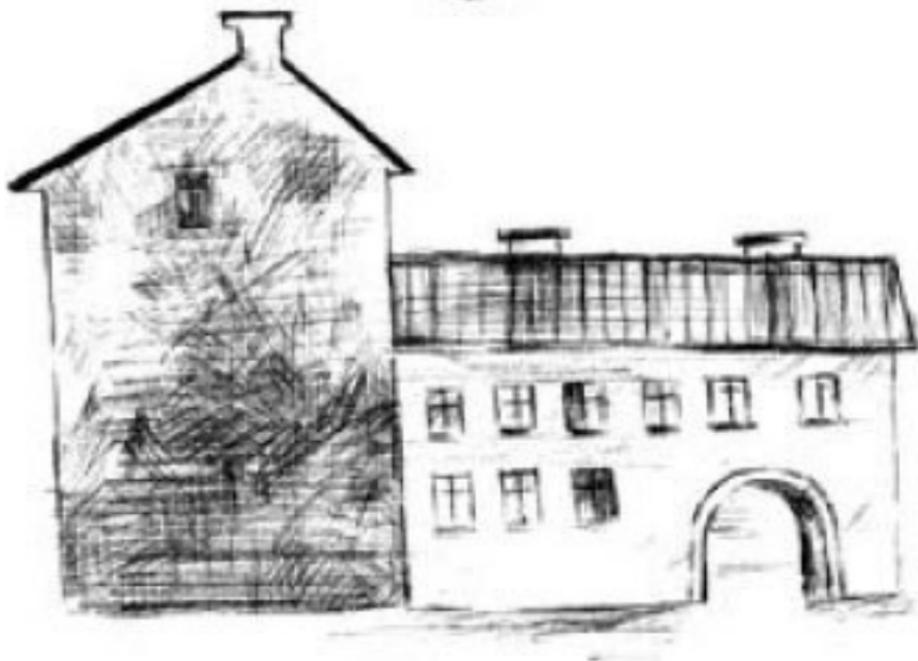

Анна Ремез

Прогулка по прямой.

Шесть историй о любви

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

© А. А. Ремез, текст, 2020

© О. В. Явич, иллюстрации, 2020

С новой строки

– Если повсюду видеть знаки, то можно и спянуть, – сказала Рита, забрасывая в рюкзак тетрадь по литературе и пенал.

Девятый «А» торопливо собирался, потому что надо было успеть в столовую, а туда стремилось во время большой перемены всё население школы.

Катя не спешила. Она ничего не ответила Рите, но уже пожалела, что высказалась на уроке.

Почти месяц она проучилась здесь, но говорить о себе пока не стремилась, осторожничала. Мешали и вечная проблема – стеснительность, и память об издевательском смехе там, откуда она благополучно спаслась. Очень вовремя мама сходила на какую-то выставку и узнала об этой *другой* школе...

Теперь Катя «принюхивалась» к одноклассникам, изучала, оценивала – по словам, по страничкам в соцсетях, – её ли человек, стоит ли подпускать ближе... Некоторые понравились с первого же взгляда, кто-то вызывал тревогу. К счастью, пока что здесь, в небольшой гуманитарной гимназии, не обнаружилось те, из прошлой жизни. Те, что гогочут в лицо, высыпают на пол вещи из рюкзака, пишут гадости на доске, из чьего рта плавно, без запинки, течёт мат. Те, для кого чудес не бывает, а кто сильнее – тот и прав.

Учитель литературы Владимир Львович предупредил класс, что он немного поменял порядок курса в этом году и

«Евгений Онегин» переместится в начало года. Количество поднятых рук после вопроса: «Кто читал?» не очень порадовало учителя, но он не стал обрушиваться на девятиклассников с упрёками. В конце концов, со стихами так поступают все – летом не читают, оставляют на учебное время, поскольку объём поэтических произведений не устрашает.

– Вы знаете, что было такое повальное увлечение в девятнадцатом веке – гадание по книге? – сказал Владимир Львович. – И, представьте себе, очень многие гадали именно по роману Александра Сергеевича. Ребята, кто из вас когда-нибудь гадал по книгам?

Все взметнувшиеся вверх ладони были девичьими. Некоторые мальчики надменно зафыркали, выражая презрение к таким глупостям. Катя скромно выставила ладошку из-за парты, огляделась и с удовольствием отметила, что некоторые, впрочем, немногочисленные девочки спрашивали книжного оракула о своей судьбе.

– Как вы думаете, есть какая-то вероятность того, что совершенно случайная строка романа будет каким-то образом связана с вашей жизнью? Высказываться можно с любой умственной конфигурацией.

На лицах появились улыбки.

Катя уже поняла, что Владимир Львович очень любит, когда ученики начинают рассуждать на темы, заданные классиками, хотя порой в этих спорах они уходили очень далеко от источника.

Вопрос учителя вернул Катю к далёкому четвёртому классу. Тогда она считала, что природа наградила её сверхспособностью: строки из любой книги, выбранные наугад, для неё оказывались пророческими. Но не стоит рассказывать об этом сейчас. Решат, что она ку-ку.

Хотя здесь, кажется, все говорят, что думают, и никто не опасается последствий.

– Ерунда это всё. С логической точки зрения, невозможно, – сказал красивый блондин Борис. – Ну, какое отношение к твоей нынешней жизни может иметь, например, строчка из...

Тут он замолчал, раздумывая, какую книгу назвать, чтобы не задеть чувства учителя.

– Говорите, Борис, классики не дают сдачи, – подбодрил его Владимир Львович, – я, конечно, мог бы легко продемонстрировать вам, что любой наш прославленный автор имеет прямое отношение к вашей жизни, но у вас, разумеется, может быть другая точка зрения. Чувства и эмоции не устаревают. Пороки и добродетели – тоже.

– Я немного не о том, – продолжил Борис, – все совпадения в таких гаданиях случайны, и люди сами притягивают их за уши, потому что хотят верить в чудеса.

– Что же тут плохого? – подала голос Ира, своей репликой расположив к себе Катю. – Без веры в чудеса нельзя жить.

– Да мы, Ириш, сейчас не обсуждаем, плохо это или хорошо, – сказал Борис снисходительным тоном.

Красивый Борис, звезда школьной театральной студии. Почти всегда носит шарф, что должно указывать на романтизм: так обычно делают художники.

– Но ты ведь ни разу не гадал, зачем тогда говорить? –

спросила Аня.

Аня постоянно ходит в больших белых наушниках. Учителя смирились: музыку она включает только на переменах. Но представить Аню без наушников невозможно, они как будто приросли к её голове. Что она за человек, Кате пока было непонятно. Пару раз выручала – откликнулась на просьбу прислать домашнее задание.

Борис усмехнулся. И тут Катя захотела непременно высказаться:

– На самом деле это может... Бывает, что такое гадание сбывается.

Все посмотрели на Катю, и она тут же пожалела, что начала разговор. Осторожно, они могут кусаться!

– Один человек гадал по книжке и спросил: «Что я буду делать в следующем месяце?», и ему выпала такая строчка: «Его заставили сыграть солдата в местном театральном кружке». Он уже про это забыл, а через месяц в школе ставят спектакль, и ему достаётся роль солдата в «Огниве».

– Ого! Ты про кого говоришь? – спросила Рита.

Рита с красными волосами. Чудесно поёт, играет на гитаре. Наверное, с ней стоило бы подружиться...

– Неважно, – ответила Катя. – Я знаю и другие случаи. Не могут же постоянно происходить такие совпадения?

Краем глаза она следила, смотрит ли на неё Илья. Черноволосый, высокий Илья, которого Владимир Львович называл «арбитром элегантности» из-за разноцветных рубашек

и особенной манеры класть ручку в нагрудный карман. Лицо у Ильи было совсем мальчишеское. Он не рвался говорить, ждал, когда его спросят. Зато сочинение «Я как персонаж комедии “Горе от ума”», по просьбе учителя прочитанное вслух на уроке, удивило и зацепило Катю. Илья почему-то вообразил себя слугой – Петрушкой.

И в новом классе Илья казался Кате самым симпатичным. Борис – тот просто красавец, но красавцы Катю скорее отпугивали. А если честно, то вообще-то ей впервые в жизни кто-то понравился. Может быть, тем, что вызвался читать стихи на октябрьском концерте. Борис с Максом вызвались ожидаемо, а вот Илья – нет... Люди, которые любят стихи, – от них можно ждать только добра.

Да, Илья смотрел на неё очень внимательно. И тут Катя поняла, что ничего больше сказать не может, покраснела и вцепилась в пенал.

– Просто кто во что верит, то с тем и случается, – подал голос Макс, – я вот всегда знаю, когда у меня пара за контрольную намечается.

Послышался смех. Макс. Таких обычно называют «душа компании». Высоченный, играет в баскетбол. Хохмит, но по-доброму. И всё же Катя сразу мысленно записала его в категорию потенциально опасных.

– Вы привели очень любопытный пример, Катерина, – сказал Владимир Львович. – Собственно, гадали люди издавна, и даже на священных текстах. В романе одного ан-

глийского автора, Уилки Коллинза «Лунный камень», герой гадал по роману «Робинзон Крузо». Читали вы «Робинзона Крузо»? Нет? Ну так я вам завидую, друзья! У вас всё впереди.

Катя вспомнила, как в прошлой школе учительница стыдила их за непрочитанные книги. Владимир Львович так не делал, что тоже было удивительно.

– Казалось бы, что там можно обнаружить в «Робинзоне Крузо» применительно к повседневной жизни? А вот, пожалуйста! – продолжал он. – Максим, вы что-то хотите сказать?

– Да, открывает человек книгу, а там написано – «Пятница». И ему сразу хорошо. Ведь пятница обязательно наступит, – вставил Макс.

Смешки заглушил звонок на перемену. Класс, приученный не срываться сразу же с места, громыхая стульями, обратил взгляды к учителю.

– Что ж, вера в то, что нельзя объяснить логически, не раз являлась предметом внимания писателей. Судари мои и сударыни, я вас прошу в качестве домашнего задания попробовать погадать по «Евгению Онегину» и письменно рассказать о своём опыте. А на следующем уроке мы попробуем провести очный сеанс. Можно, кстати, написать и от лица вымышленного персонажа. Не забывайте об электронных ресурсах по русскому языку, которые я вывесил в группе!

– Здорово! – сказала Ира. – А только по «Онегину» можно? Я бы лучше по Лавкрафту.

– Жуть какая, – ответил Владимир Львович. – Что вы там нагадаете-то? Спать потом не сможете спокойно.

Ира, похожая на мальчишку, с ассиметричной стрижкой, постоянно встающей дыбом. С пирсингом в носу. Ходит в смешных клетчатых брюках и огромных свитшотах. Отличница. И никто ей не говорит, что причёска не соответствует уставу школы.

Здесь вообще не обращают внимания на внешность, все ходят, как хотят, и форму носить не нужно. Оттого на переменах так пестро на лестнице и в коридорах.

Там, откуда Катя сбежала, все ходили в форме, но вели себя отвратительно: сидели, уткнувшись в телефоны прямо на уроках, постоянно болтали, у ворот школы курили на переменах. Молчали только у тех учителей, которые внушали страх.

Катю один раз вырвало после уроков. Неудивительно: ей запихали в мешок со сменкой какую-то заплесневевшую дрянь. Она отбежала подальше от школы, зажимая рот, чтобы никто не увидел, чтобы не давать повода для пошлых шуток.

Когда-то давным-давно всё было хорошо, до шестого класса. Потом – переезд, и краснокирпичный спрут номер сорок два поглотил её, пришлось от хорошего отвыкать. Может быть, теперь, выбравшись из чрева спрута, она вернётся к себе прежней?

– Если повсюду видеть знаки, то можно и свихнуться.

Это сказала Рита. Что ж, значит, с Ритой, наверное, не стоит откровенничать. Она прагматичная. А с Ирой? Она бы поняла? Девчонок Катя опасалась меньше, но всё равно пока ни с кем не подружилась.

Катя ещё посидела за партой, обняв рюкзак. Ей пришла мысль доверить свой секрет Владимиру Львовичу. В её прежней школе таких необычных уроков литературы – с прослушиванием песен, просмотром отрывков из кино и необычными заданиями – не было. Да что там – учитель, который создал для своих уроков группу в соцсети, – это воспринималось как необычайный прогресс после старой школы.

Она даже мысли стала выражать по-другому, когда слушала, как читают свои эссе другие ученики. Вспомнила, как звучит её голос... Здесь ведь собрались люди, умеющие писать. Может быть, и Катя освободится от «оков формализации» – так про её первый текст сказал Владимир Львович... Хотя на вступительном сочинении Катя выжала из себя максимум, экзамены по русскому и английскому сдала на «отлично». Был стимул – побег!

Она подошла к учительскому столу. Владимир Львович повернул седую голову и посмотрел на Катю поверх очков. Из кармашка пиджака торчал батончик мюсли, весь монитор его ноутбука занимало фото феноменально толстого кота.

– Что-то хотите спросить, Катерина? Смелее.

– Владимир Львович, я просто... Мне кажется, что у меня

все гадания по книгам сбываются.

– А, так вы уже знакомы с этой забавой, да? Сами гадали?

– Да, я была в четвёртом классе на квесте. Мы там по «Принцу Полукровке» гадали, ну, по «Гарри Поттеру».

– Да, я понимаю, понимаю, о какой книге речь, – улыбнулся Владимир Львович.

– Вот... И мне там выпало что-то вроде «Рон упорно продолжал себя считать обиженной стороной», а я в тот день как раз поссорилась с подругой. И меня это так поразило! А потом, когда мы экспериментировали с разными книгами, у меня всё время не ерунда какая-то выпадала, а прямо осмысленные предложения. Я, например, спрашивала, что у меня будет за олимпиаду по русскому, и гадала по «Мэри Поппинс». И знаете, что попало? «Отлично, Мэри, отлично!»

– Ну вот, теперь я знаю, что вас можно на олимпиады приглашать, – радостно сказал Владимир Львович. – А история с ролью солдата тоже про вас?

Катя улыбнулась.

– Ну, вообще-то, не совсем про меня. Она про мою маму. Ей пришлось однажды заменить мальчика, который заболел. К счастью, только во время репетиции.

– Значит, вы верите, что всё сбывается, как по писаному. Я не буду утверждать, будто это невозможно. Но неужели ни разу при гадании вам не открывалась какая-то бессвязная строчка вроде «узнав о разорении Тифлиса, он» или «броса-

ет свирепые взгляды на Джека»?

Катя задумалась. Если честно признаться, были, конечно, и такие случаи, но... Разве стоило их запоминать? Вот они и не запомнились. Куда ярче отпечатались в голове чудесные совпадения.

– Не помню... Но вот смотрите, совсем нереальная история! Я думала, что подарить репетитору по французскому на день рождения. Не хотелось всякое дежурное. И тогда я погадала на книжке «Муми-тролль и комета». И знаете, что мне выпало? «Дарить женщине украшения вовсе не глупо»!

– Ого! Вот это да! Прямо в точку, – восхитился Владимир Львович, – тут поневоле решишь, что волшебство существует.

– Да, и я...

– И вы поверили, что гадания работают, так?

– Вы, конечно, считаете, что это глупо...

– Катерина, Николай Васильевич Гоголь, как вам известно, не чуждый мистицизму, сказал: «Стоит попристальнее взглядеться в настоящее, будущее вдруг выступит само собой». И Анна Ахматова гадала на томике Тютчева, спрашивала о Гумилёве.

– Значит?..

Владимир Львович пожал плечами, по-прежнему улыбаясь.

– Всех тайн происходящего в этом мире нам с вами не разгадать никогда. А с другой стороны, и Борис наш прав –

человек верит в то, во что хочет верить.

– Ладно, Владимир Львович, спасибо за... Ну в общем, спасибо. Я хотела сказать, что не хочу писать в сочинении про то, что я верю в эти гадания. Я уже давным-давно не гадала. А то ещё будут смеяться.

– Не в сочинении, в эссе. Здесь у нас такая терминология принята. Просто опишите процесс. С подробностями. Это важно – уметь передать детали. А если будут смеяться, значит, вы смешно написали, не более того.

Катя попрощалась с учителем, спустилась на первый этаж в столовую и пристроилась к хвосту очереди. Глазами поискала одноклассников. Все уже обедали за столиками. Вдруг из вереницы ожидающих, растянувшейся вдоль стойки с гарнирами и супами, выглянул Илья. Он увидел Катю и подозвал её, махнув рукой.

– Иди передо мной, – предложил он.

Они уже стояли прямо у раздачи.

– О... Спасибо. А то я бы не успела.

Что было на подносе, который Катя понесла к столу, она и не заметила. И когда мама спросила в тот вечер, что она ела на обед – этот вопрос маму интересовал всегда, – не смогла ответить. Потому что за обедом они с Ильёй обсуждали самые разные вопросы – прошлую Катину школу (Катя сосредоточилась на описании уроков и учителей), тонкости жизни в новой, будущие экзамены. И когда прозвенел звонок, побежали на биологию, на ходу продолжая что-то рассказы-

вать друг другу.

Весь урок у Кати звенело в голове и горели уши. Ей повезло, что на биологии учительница не поинтересовалась её знаниями по поводу строения нервных клеток, хотя эти клетки, несомненно, принимали живое участие в происходящем.

После урока, когда Катя выходила из класса, её неожиданно окликнула Аня.

– Мы в библиотеку, пошли с нами.

– Зачем?

– Гадать будем, – улыбнулась Аня.

Катя согласилась, не раздумывая, и пошла за Аней, Ирой, Ритой и Кариной на первый этаж. Тем более что в библиотеке ей нравилось, она была настоящая, то есть там можно было брать книги, а не только учебники.

Библиотекарь готовилась к занятию и велела им поискать нужную книгу самим. Взяв разных «Онегиных», они уселись на диванчик, хихикая от тесноты и нелепости ситуации, ведь гадать по книге было всё же по-детски, и оттого чуть-чуть стыдно. Катя еле втиснулась между Ирой и высоченной Кариной, баскетболисткой с широкими плечами, поэтому ей пришлось сидеть боком, вполоборота к Ире.

– Так... ну... давайте, кто первый? – спросила Рита.

– Это же твоя идея была, – сказала Карина, – начинай.

Катя удивилась, что инициатива погадать принадлежала скептику. Люди полны сюрпризов!

– Хорошо. Только я не буду говорить вам свой вопрос!

– Э-э-э, так не интересно, – не согласилась Аня, – какой тогда смысл вместе гадать? Давай вопрос не про Борю.

Она хитро посмотрела на Риту, а та легонько двинула ей локтем в бок.

– Так. Будет ли у нас самостоятельная по химии на этой неделе? – сказала Рита. – Страница тридцать три, девятая строчка сверху.

Аня проверила, прочитала:

– «И романтические розы!»

– Значит, не будет, да, Кать? – спросила Рита, как видно, считавшая Катю экспертом.

Та с улыбкой пожала плечами.

– Теперь ты, – велела Рита Ане.

– Ладно. Сдам ли я ОГЭ по математике? Знал бы Пушкин, как его будут использовать... не по назначению. Обиделся бы, наверное.

– Ну почему, – сказала Ира, – вполне по назначению. О судьбе своей спрашиваем, чего же обижаться. Обрадовался бы!

Ответом Ане была строчка – «Но я не создан для блаженства».

– Так... Чего-то это мне не нравится, не нравится мне это что-то, – сказала Аня. – Я хочу блаженства после экзаменов!

– Можно ведь понять так, что экзамены – это не блаженство, – сказала Рита. – Карин!

– А? – она, оказывается, зачиталась.

– Загадывай! Катя, ты листай.

– Вопрос один – выйдем ли мы на ШБЛ? – сказала Карина, вытаращив глаза.

– Это что? – поинтересовалась Катя.

– Школьная баскетбольная лига. Так, страница... Сколько там страниц-то?

– У меня тут сто семьдесят шесть, – сказала Катя.

– Значит, сто пятьдесят пять, строчка одиннадцать. Сверху.

– «Уж угадали; точно так».

Карина аж подскочила с радостным воплем, из-за чего Катя с дивана слетела, а из-за стеллажа раздался недовольный голос библиотекаря:

– Девочки! Вы что?

Рита, Ира и Аня захохотали. Карина, мгновенно поверив Пушкину, замурлыкала под нос *We Are the Champions*. Ирино гадание на сдачу экзамена тоже получилось неоднозначным: «Он в залу: дальше: никого». Они порассуждали, как не заблудиться, когда пойдёшь на экзамен, и Карина рассказала историю своей знакомой, которая опоздала на полчаса, потому что заплутала.

– Теперь я, – сказала Катя. – Только что спросить, я не придумала.

– У тебя масса вариантов, – сказала Ира, – ты же новенькая. Можешь спросить про любого человека из класса.

Как раз об этом Катя спрашивать вовсе не собиралась.

Она молча водила пальцем по пушкинскому профилю на обложке.

Неожиданно у неё вырвались слова:

– Я не уйду отсюда?

– Это то же самое, что про ОГЭ, – сказала Аня. – Другими словами.

– Нет, не то же...

Девочки смотрели на неё выжидающе, но Катя не стала пояснять, что она имела в виду, и назвала номер страницы. Сердце её заколотилось, как будто ответ книги действительно что-то решал в её жизни.

– «Мы только устриц ожидали», – прочитала она, и диван снова дрогнул от хохота.

– Девочки! Я вас выгоню сейчас, – последовал окрик.

– Извините, Дарья Сергеевна, мы «Евгения Онегина» читаем, – ответила Ира, – очень смешно.

Карина подвела итог.

– Так, теперь больше нельзя гадать, только по одному разу! Результат про устриц не засчитывается.

– Да ладно, устрицы – это ж роскошно! Значит, мы будем есть их вместе с Катей, – сказала Рита. – Все сдадим экзамены и пойдём отмечать!

Катю это объяснение порадовало, но на этот раз реального совпадения не было, и она почувствовала лёгкую досаду. Неужели сверхспособность исчезла? Однако домой Катя шла в очень хорошем настроении. Она почувствовала, что нача-

ла оттаивать, ей захотелось ещё пообщаться с девочками, да и воспоминание о разговоре с Ильёй очень грело.

Придя домой, Катя быстро проглотила приготовленный мамой салат и забралась на стремянку, стоявшую перед книжным шкафом в её комнате. Теперь-то ей просто необходимо было погадать, чтобы проверить себя. Конечно, такое рвение она объяснила необходимостью делать задание по литературе. Ничего, что урок в четверг, а сегодня всего лишь понедельник. Зачем, как говорят, откладывать на завтра то, что можно сегодня же и сделать?

Вот они, выстроились на полках, старые друзья. Кому же доверить судьбу в таком важном вопросе? Она переводила взгляд с «Хоббита» на «Асино лето», перебирала взглядом узенькие сборники стихов, «Девочку с Земли», «Королевство М» и «Приключения Буратино» и неожиданно осознала, что книги в её шкафу всё ещё стоят в том порядке, в каком их давно поставила мама: детские пониже, подростковые – повыше. До них, серьёзных книг о проблемах взросления, Кате нужно было дорасти, и хотя это уже давно случилось, они так и теснились наверху по привычке, в то время как сказочные повести, детские энциклопедии и стихи занимали почётное центральное место.

Здесь время застыло, всё ещё обозначая интересы той девочки, которая осталась уже только на фотографиях и в домашних видео. Почему ей до сих пор не приходило в голову переставить книжки? Наверное, ей вообще мало что при-

ходило в голову весь седьмой и восьмой классы. Эти два года из дня сегодняшнего казались похожими на серые бетонные плиты, между которыми изредка, в основном на каникулах, пробивалась трава. Но зачем же она так долго терпела, не рассказывала ничего дома, держала в себе? Отчего так трудно решиться что-то изменить, и только если жизнь становится совершенно невыносимой, находятся силы, чтобы бежать? Теперь было так жаль тех двух лет! Ведь можно было не терпеть унижения, не выходить каждое утро, тщательно застегнув себя в броню деланного равнодушия, давно оторваться от стен, которые давили со всех сторон, и переменить судьбу.

Ей в голову снова полезли воспоминания о взглядах и словах, о фотографиях, которые делались тайком на уроках и в коридорах, а потом вывешивались на всеобщее обозрение в «ВК» с оскорбительными подписями – ну а что, «чисто поржать»... об окриках, хлопках по парте... Нет, прочь это всё! Есть другая жизнь! Есть Илья. Только вот куда теперь делся дар Кассандры?

О чувствах не станешь гадать по «Сказкам для Каприны» или «Приключениям новогодних игрушек». Нет, здесь требовалось что-то такое... фундаментальное. «Евгений Онегин», может быть? Почему бы и нет. Тем более что с него всё и началось.

Катя отправилась в комнату родителей. Обнаружив на полке нужный том, а вернее, томик, старый и потрёпанный,

она сняла его с полки, открыла наугад и, даже не задав мысленно вопрос, сразу увидела такие строчки: «“Что ж, начинать?” – Начнём, пожалуй!». Катя улыбнулась. Работает! В школе просто не получилось, потому что она давно не гадала!

– Вы что, уже проходите «Евгения Онегина»? – воскликнула мама, войдя в комнату.

– Ага.

– Вот это да! Боже, как летит время! Ещё недавно мы читали Носова!

– Недавно? Мам, ты что? В незапамятные времена! Да, я тут подумала, что надо бы мой книжный шкаф разобрать. Книжки там переставить...

Через несколько секунд в маминых глазах проявилось понимание сказанного.

– Да. Ты ведь уже выросла... из тех книг... – тихо, с грустью, сказала она.

– Но мы их никому не отдадим! – поспешила утешить её Катя. – Будем хранить для потомков.

Мама улыбнулась.

– Ну как ты?

Теперь-то Катя знала, что надо рассказывать. Всё рассказывать.

– Хорошо, – кивнула Катя, – очень хорошо. Правда.

Мама обняла её, и они чуть-чуть постояли, глядя на обложку «Онегина» в Катиних руках. На ней красивый моло-

дой человек куда-то шёл вдоль набережной, наверное, Мойки, придерживая шляпу.

– Послушай, возьми комментарий Лотмана, а то ты ничего не поймёшь в «Онегине», – сказала мама. – Там очень много исторических реалий. Например, живой лимбургский сыр. Хотя... ты и в Лотмане ничего не поймёшь. Ох, неужели это уже проходят? А ты-то летом не читала «Онегина»!

– Мама, летом бесполезно читать стихи, к осени всё из головы вылетает.

– Возьми комментарий-то, а? И ещё я тебе лекцию пришло, послушай.

– Не, мам, мне сейчас не надо, – отмахнулась Катя. – Я потом.

Она ушла к себе, села на кровать, закрыла глаза, сделала глубокий вдох и зажгла перед мысленным взором такие слова: «Нравлюсь ли я Илье Кондратьеву?» Потом, посмотрев оглавление, загадала страницу и строку.

«Зовут задорных игроков». Ну и что? И какие игроки, и кто зовёт, и кто задорный? Нет, перегадаю. «Одессу звучными стихами». Одессу. А вдруг Илья из Одессы?

Катя полезла во «ВКонтакте», где на страничке Ильи узнала, что его родной город – Санкт-Петербург. «Ну и что это? Что это такое?»

Следующие ответы бессмертного романа также не порадовали Катю. «Заслышит их домашни дроги» («Автомобиль? Есть ли у них автомобиль?»), «Она любила на балконе предупреждать зари рассвет» («Нет, это не про меня, я нена-

вижу рано вставать»), и только «который сердцем и умом ей нравился гораздо боле» хоть как-то отвечало её запросу, да только не имело никакого смысла.

Катя рассердилась. Всё-таки не совсем прав Владимир Львович. Не вся эта классика имеет отношение к нашей сегодняшней жизни, или как он там сказал. С другой стороны, дело могло быть вовсе не в «Онегине», но Кате об этом думать не хотелось.

Отложив поэму, она решила использовать одну из любимых книг и открыла «Время всегда хорошее»: «Я чуть не ахнул. Мы с Сушкой переписывались весь день».

«Ага, переписывались они. Мальчик с девочкой переписывались. Значит, она нравится ему, раз весь день переписывались».

Но всё-таки ответ книги Катя не сочла годным на все сто процентов. Ведь в былые времена («ох, заразилась уже слогом от Пушкина») всегда были чёткие совпадения! Или... не всегда?

Катя села за стол, открыла тетрадь по литературе и написала.

«Домашняя работа. Гадания по книгам – как и любые гадания – это суеверие. Человек сам притягивает за уши то, что ему хочется вычитать в книге».

Сердито захлопнув тетрадь, Катя полезла на стремянку и вытащила упомянутого учителем «Робинзона Крузо». Но слова «Я, как мог, вскопал небольшой клочок земли дере-

вянной лопатой» никак не подходили для ответа на волнуемый её вопрос. Катя недоумевала. Ну почему раньше-то всё работало как надо? Что же произошло? Она опять пошла в комнату родителей и там, в книжке Саши Чёрного, ей опять зачем-то попался Робинзон, а вернее, его штаны: «Англичанин возмущённо показал на свои робинзоновские штаны и сабо».

Катя вернулась к себе, взяла книгу с громким названием «Я хочу жить!» из стопки ещё не прочитанных и узнала, что «мама поставила на стол салат из свежих овощей, и Ратмир положил его в свою тарелку».

Тогда Катя решила заесть разочарование в суперспособностях и отправилась на кухню. А когда вернулась с тарелкой печенья, то увидела в телефоне, что Илья Кондратьев, родом из Санкт-Петербурга, желает добавить её в друзья.

Катя не знала, что ему-то бессмертное произведение великого поэта ответило, как полагается:

«Она сказала: это он!»

Маску долой

Вера сидела на крыльце и грызла ноготь на левой руке. Правой она набирала сообщение: «Ку-ку!» своей подруге Аньке. Ответного «ку-ку» не последовало: похоже, Аньке не до неё. Вера поднялась в дом, для порядка отправив ещё и недоумевающий смайлик, и с неохотой взялась за приготовление ужина. Отчим приедет после работы, конечно же, голодный, а главное – без мамы, у неё срочный заказ. Вчера ей даже пришлось оставить Веру на даче одну, и вкус этой неожиданной свободы оказался удивительно сладок.

Но сегодня Вера опять превратится из взрослой, самостоятельной девушки в обычную девочку, за которой «присматривают». Да ещё придётся изображать из себя хозяйку, ведь мама велела обязательно накормить отчима ужином. А они ещё ни разу не оставались без неё, вдвоём. Так, что делать? Посуду помыть... нет, сначала макароны сварить, нет – в магазин! За сыром. Какие макароны без сыра?

Между тем на вечер у Веры были планы. Светка из соседнего дома пригласила её пересматривать очередную часть киноэпопеи про вампиров. В Светкином щебете Вера уловила важное: Артур тоже приглашён. Артур, сам немного похожий на обаятельного вампира. Изящный, с длинными, спутанными волосами и тонкими руками. Этими руками только край мантии поддерживать или на мандолине играть. Ему,

между прочим, уже четырнадцать. А Вере – почти тринадцать. Всего-то через какие-то жалкие полгода! Досадно, конечно, что Жанне тоже четырнадцать. И что она Светкина сестра. Если бы не Жанна, в дачной компании Вера могла бы стать авторитетом. Потому что она классно рисует вампиров и хорошо говорит по-английски. А Жанна... Она просто красивая.

Обо всём этом Вера размышляла, пока шины её велосипеда шуршали по гладкому асфальту Луговой улицы. Немного саднило разбитое вчера колено. Кстати, надо не забыть сменить шорты на джинсы. Ведь отчим увидит, начнёт выпытывать, что случилось. Ему не понять, что коленку можно разбить, даже если ничего не случилось. На даче всякое бывает.

Вера влетела в поселковый магазин и тут же замерла: у прилавка, спиной к ней, стоял король Артур.

Она тут же выскочила на улицу и принялась приглаживать волосы, глядя на своё отражение в слове «Пятёрочка». Чёрт, она в этой позорной линялой футболке и шортах с бантиками. Ах, если бы можно было, как в кино, моментально переоблечься в модный наряд.

– Салют! – сказал Артур, выйдя из магазина.

– А, привет, – едва глядя на него, ответила Вера.

– Идёшь сегодня к Жанке?

– Ага.

– Ну давай.

Вера постояла ещё немного у дверей, глядя вслед уплыва-

ющей лохматой шевелюре. К Жанке! Почему не к Светке-то? Они же вместе живут. Понятно почему. Светке-то одиннадцать. По сравнению с Артуром она вообще – только что из подгузника. Жанна его пригласила смотреть кино, не Светка.

Шла вторая неделя заточения Веры в Тярлево. Они сняли дом у отчимова друга, который уехал в Испанию до сентября. Мама решила, что это лето Вера проведёт, как записано в хороших детских книгах, – на даче. Свежий воздух, овощи-фрукты и книжки. В июле должна была на неделю приехать Аня. А пока приходилось как-то жить без лучшей подруги и без интернета, потому что месячный трафик Вера успела истратить за первую неделю сидения на даче.

Вернувшись из магазина, она поставила на плитку кастрюлю с водой и принялась за посуду. К счастью, в этом доме оказался водогрей. Соседи вон до сих пор таскают воду из колонки. И домишко у них – из тех немногих, которые дожили до сего дня, не ведая о том, что такое стеклопакет.

Там живёт Катя, ей, наверное, лет семнадцать. Вера видела её всего раз, в магазине. Она ни с кем с улицы не общается. Жанна и Светка называли Катю «сушка с плесенью». Вере это сразу не понравилось. Но общаться было больше не с кем, да и увидеться с Артуром можно было только у них.

Вода забулькала, Вера метнула туда макаронные трубочки, тут же вспомнив, что забыла посолить.

Солонка досталась им от хозяев дома. Такой деревянный бочонок с дырой на крышке. Приспособление, подходящее

только для того, чтобы съесть с кем-то на пару пуд соли.

– Ой! – Вера и глазом не успела моргнуть, как в макароны обрушилась белая лавина.

Что теперь делать? Слить воду? Или потом промыть макароны?

Вера задумчиво поболтала в кастрюле шумовкой. И тут же в кармане запрыгал мобильник.

– Вера, привет! Открой ворота.

Приехал... Макароны не доварены, посуда не домыта. Мама была бы недовольна. Вера нажала кнопку в прихожей и сбежала с крыльца. Через минуту отчим уже выходил из автомобиля.

Чёрное колесо наехало на воланчик для бадминтона. Ажурный уголок съёжился под шиной, словно крыло мёртвой бабочки.

– Здравсьте, Виктор Сергеевич.

– Что с коленом?

Ну да, забыла переодеться.

– Ничего особенного. Так, поцарапалась.

– Интересно, это как же можно *так* поцарапаться?

– С велосипеда навернулась.

– Когда?

– Вчера. Вечером. Ехала из парка...

Вера запнулась. Отчимова челюсть задвигалась вправо-влево.

– А что ты делала вечером в парке?

– Ну как... Гуляли мы. С девчонками. Что, нельзя?

– Вера, мама тебя просила одну не гулять.

– Так с девчонками же!

– Вера, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Мало

ли кто бродит в парке ночью.

Вера промолчала. Они поднялись в дом. На плитку с шипением выливалась вода из кастрюли.

После того как отчим с непонятым выражением лица съел макароны (отказавшись от сыра), Вера решила поднять вопрос о сегодняшнем вечере.

– Э-э-э... Я скоро собираюсь в гости.

– Да? А кто пригласил?

– Девчонки.

– Те, с которыми ты гуляла ночью в парке?

– Не ночью, а вечером. Да, те. Они с Круговой улицы.

– Что, день рождения у кого-то?

– А что, просто так нельзя пойти в гости? – бросила Вера с вызовом.

Виктор Сергеевич встал. Он был большой, грузный, с едва заметными, но многообещающими залысинами. Глаза – тёмные, с густыми, как щётка, ресницами – умели смотреть так пристально, что становилось не по себе.

Мама вышла замуж год назад. Виктор Сергеевич много работал, у него была своя нотариальная контора, а по выходным он почти всё время ходил с мамой в театры, в гости, ещё куда-то. У Веры были свои дела, и её это вовсе не тяготило. Но в те редкие моменты, когда они оставались наедине, она чувствовала какое-то напряжение, скованность, как будто они не могли общаться, как нормальные люди, разговаривали через маски, резиновые такие дурацкие маски, которые

всю голову прячут, и слова от этого тоже выходили какие-то резиновые, а не настоящие.

– Вер, в половине одиннадцатого ты дома, – сказал он.

– Но...

– Вера, мама будет недовольна, что ты всё время где-то пропадаешь. Мальчики приглашены?

«Что значит “всё время”?!»

– Один.

– Ну вот, тем более.

«Виктор Сергеевич у нас строгих правил», – говорила мама. И ещё про старую закалку, которая, конечно же, гораздо лучше новой.

Вообще-то Вере даже нравилось, что у неё появился отчим. Перемены – это хорошо. Но к ним, оказывается, очень непросто привыкнуть... И привыкнуть к тому, что отчим указывает ей, как себя вести и что делать, Вера так и не смогла.

– Ладно. А завтра погуляем в парке? Во дворец сходим. С тебя – завтрак, с меня обед и ужин, – сказал Виктор Сергеевич.

– Окей.

Вера ушла в свою комнату. Тут позвонила мама.

– Верунь, всё хорошо? Приехал Виктор Сергеич?

– Ага. Я уже его покормила.

– Молодец. Ты с ним...поласковой. Ладно?

– Ну как «поласковой»?

– Слушайся его, не спорь, не бурчи.

– Мам, ну хватит. Это он бурчит.

– Он просто старается быть... ну... ты понимаешь. Я приеду послезавтра, может быть, получится даже днём, а не вечером.

– Угу.

– Вера, будь умницей. Слушай, он... ему трудно, он стесняется, учти.

Вера села на кровать. Старается он. Привык на работе командовать своими нотариусами, и дома продолжает...

Она посмотрела на экран телефона. Уже столько времени! Пока она разбиралась в семейных отношениях с отчимом, перевалило за восемь.

Вера дёрнула на себя дверцу шкафа, и на неё тут же свалились ненужные майки. А нужная майка, как назло, торчала из корзины для грязного белья. Вера натянула джинсы, сняла с вешалки блузку в клеточку, зачесала волосы в хвостик. Потом избавилась от хвостика и от блузки, надела мятую тунику с надписью VeryCool и вышла из своей комнаты. Телефон в кармане вздрогнул от сообщения. «Как оно там? Приехал?» – спрашивала Анька.

– Ну надо же, вспомнила обо мне, наконец, – пробормотала Вера.

«Иду смотреть “Рассвет”. Отчим отмокает», – написала она и сопроводила свои слова озорным смайликом. Смайлик подмигивал, давая неверной подруге понять, что Вера пре-

красно справляется со всеми трудностями сама.

«Твой А. там?» – отвечала Аня, которая, конечно, была в курсе всех передвижений Артура по посёлку Тярлево.

«Если бы мой», – вздохнула Вера, в ответ посылая своё «ага» и растерянный смайлик.

«Удачи!» – пришло в ответ.

– Вера! Ты что, уже уходишь? – в дверях возник Виктор Сергеевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.